

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ФОЛЬКЛОРНАЯ КОМИССИЯ

СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

СБОРНИК СТАТЕЙ и МАТЕРИАЛОВ

№ 6

Издательство Академии Наук СССР
Москва 1939 Ленинград

И. Эвентов

Казахский героический эпос и песни Джамбула

Многонациональная советская литература ставит перед собою, по словам Горького, крайне трудную задачу: „создать приемами реализма эпическое искусство, в котором отразился бы со всей возможною силою слова и полнотою героизм рабочего класса, строителя нового общества“.

Так определил А. М. Горький перспективу возрождения эпического искусства в советской стране. При этом понятие эпичности он распространял на все жанры словесного творчества, имея в виду создание такого искусства, которое по эпической широте материала, монументальности образов, красоте и могуществу художественной формы могло бы сравниться лишь с непревзойденными до сих пор образцами античного эпоса.

Однако в понятие нового социалистического эпоса А. М. Горький вкладывал и другое: он говорил о новом типе художника, творящего этот эпос, о художнике — народе и художниках из народа, которые создадут формы этого нового героического искусства. Он говорил, что новый эпос рождается „не на основе мифологии, а на основе свободной, счастливой и научной практики миллионов людей — строителей социализма“. Он указывал на „стремление многих тысяч людей к творчеству поэзии и прозы; это процесс небывалый в истории человечества, в таком объеме и с такой силой он не наблюдался в прошлом“.

Так растут художники из народа, усваивающие многовековую поэтическую культуру народа и создающие произведения, полные живого ощущения природы, действительности, героической деятельности масс. В то же время наша художественная литература все более и более сближается с фольклором, проникаясь мотивами и образами народного творчества, обретая в лучших своих образцах черты подлинной народности.

В творчестве народных певцов и поэтов — кавказских ашугов, узбекских бахши, казахских сказителей и акынов, карельских кантелистов и т. п. — особенно ярко сказываются все эти знаменательные процессы развития советского искусства: становление героического эпоса, сближение литературы и фольклора, появление нового типа художника.

А. М. Горький назвал Сулеймана Стальского „Гомером XX века“. Известно, что личность автора „Илиады“ и „Одиссеи“ до сих пор не установлена и что имя Гомера является лишь обозначением их легендарного творца; в этом имени как бы выражена вся глубина и мощь народного гения, создавшего бессмертные произведения искусства. Предание говорит, что Гомер был слепым певцом. Акад. Н. Я. Марр находил слово „гомер“ у некоторых народностей в следующих обозначениях: сказитель, певец, предсказатель, поэт. Оно стало синонимом народной мудрости и народной поэзии. Социалистиче-

ское общество выдвигает десятки таких певцов, носителей народного разума и самобытных поэтических талантов. Имена певцов этих, тружеников и поэтов, наших соотечественников и современников обрастают легендой. И первым, кто вслед за Сулейманом обретает славное имя Гомера нашей современности, является казахский акын, 90-летний народный поэт — орденоносец Джамбул Джабаев.

Значение творчества этих поэтов для социалистического народа необычайно велико. Они являются не только певцами, но также просветителями, агитаторами, историками, воспитателями художественного вкуса народа и хранителями его поэтических сокровищ. Они являются популярными в народе людьми, выразителями всенародных чувств и стремлений. Они быстро и чутко откликаются на все события, волнующие народ. Они являются всеобщими любимцами на народных собраниях, митингах, празднествах. В Казахстане ни одно народное веселье не обходится без акына: будь то праздник, свадьба, ярмарка, джигитовка. Проводы акынов весной 1936 г. в Москву для участия в декаде казахского искусства превратились в многолюдные праздники аулов. Амрэ, Умурзак, Орумбай, Кенен, Тайжан, Маймбет, Бек, Турмагамбет, Джартыбай — вот далеко не все имена выдающихся акынов Казахстана; всего их насчитывается свыше ста; из них Утеп, Джартыбай и др. — это ученики Джамбула, патриарха народной поэзии Казахстана. В то же время сам Джамбул является потомком прославленных казахских акынов, певцов и борцов многострадального степного народа. Он впитал в себя всю богатейшую поэтическую культуру этого народа; он является блестящим знатоком истории и поэзии Востока; он знает наизусть двадцать пять тысяч строк казахского эпоса, грандиозную киргизскую поэму „Манас“, восточные легенды и арабские сказки... Вместе с тем — это вдохновенный поэт, подвижной и неутомимый, страстный и боевой. Он сложил сотни песен, сказок и поэм.

Творчество Джамбула Джабаева насыщено той глубокой эпичностью, той революционной устремленностью и силой, которые становятся определяющими моментами социалистического искусства. Поэзия Джамбула всенародна. Но она в то же время сохраняет в себе все черты национальной казахской культуры. Языком и образами устной казахской поэзии Джамбул творит произведения социалистического эпоса. Песни Джамбула как бы венчают собою богатую и яркую историю казахского эпоса, в волнующих строках которого выражено геройство народа, чаявшего свободы и завоевавшего ее в многолетней тяжелой борьбе.

* * *

Разоблаченные ныне враги советского народа, пытавшиеся вредительски затормозить рост социалистической культуры в нашей стране, приложили немало усилий к тому, чтобы отнять у казахского народа его великие поэтические сокровища. Они идеализировали байско-феодалную старину, идеализировали „самобытную“ кочевую культуру казахов, мысля под этим возврат к господству баев, мулл и феодалов. Нужно ли доказывать, что на самом деле облик казахского фольклора совершенно иной, что в нем, как и в устном творчестве всех народов, выражены подлинные настроения и думы народных масс, боровшихся за свое освобождение?

Богатства казахского фольклора необозримы. Историки пишут, что дар импровизации, дар песни издавна присущ кочевникам казахских степей. Богатырский эпос, исторические песни, предания и легенды, лирические поэмы, сказки, небылицы, пословицы, обрядовые песни, агитационные стихи, сатиры, гимны, лирические обращения, колыбельные песни, заклинания — вот далеко неполный перечень основных жанров казахского фольклора.

В прошлом при ханах и отдельных крупных баях нередко бывали лстивые наемники-домбристы, которые на тоях (пирах) воспевали богатства и заслуги своих хозяев. Но эта небольшая кучка „придворных“ певцов никогда не была носительницей народного мнения и народной поэзии; верноподданная „поэзия“ не выходила за пределы байской юрты и была глубоко враждебна народу. В то же время народ сохранил в своей памяти, передавая из поколения в поколение, огромнейшие произведения подлинного народно-героического эпоса; многие из них бытовали в изустной передаче по несколько сот лет.

Однако в самые последние годы в фольклористике еще раздавались голоса вульгарных социологов, дезориентировавших наших читателей в принципиальных вопросах истории фольклора. Так, например, в журнале „Литературный Критик“ Т. Шонанов, оперируя материалами казахского эпоса, утверждал, что „былины старались внушить народу покорность и уважение к правящей верхушке“. „Но, тем не менее, — снисходительно добавлял он, — и в этих былинах нашло свое отражение положение обездоленных слоев народа“ и далее: „угнетенный класс сумел даже в богатырском эпосе, в основном отражающем идеологию эксплуататорской верхушки, отразить свое положение и ненависть к баям“.¹

Все эти вредные домыслы решительно опровергаются богатейшими материалами казахского эпоса, который в своих замечательных творениях поэтизирует жизнь и борьбу трудового народа; который создал бессмертные образы народных героев, борцов за независимость и счастье народа; который всем своим существом направлен против заклятых врагов казахского народа, менявших свое обличье в разные исторические времена: против ханов, султанов, феодалов, против царских колонизаторов, мулл и баев, против алаш-ордынцев, колчаковцев, троцкистов, бухаринцев, вредителей и диверсантов.

На заре своей истории казахский народ стал складывать песни о богатырях, в которых он выразил сознание своей непобедимости и силы. Произведения былевого эпоса воспитывали национальное самосознание казахского народа, прославляли его героев.

Батырю Сартакаю легенда приписывает такую силу, что он вместе с братом поднимает гору и несет ее к берегам Иртыша. Точно так же батырь Джасыбай защищается от калмыцких набегов огромной каменной глыбой, которую он одним движением сбрасывает с перевала на врагов и вновь поднимает ее, ожидая опасности. Старейший из казахских батырей Кобланды изображен в ряде былин как человек гигантской силы и прекрасных воинских доблестей, как освободитель родного племени от рабства. Возвращаясь победителем из похода, Кобланды подъезжает к крепости калмыцкого хана Алчигара, где томится в плену весь его род. Мать Алчигара, предупреждая хана об опасности, характеризует его противника такими словами:

„Скачет к нам Кобланды-батырь,
Не боящийся ни секир,
Ни тохпаров, ни кистеней“...²

У ворот крепости Кобланды сражается с ханом, побеждает его и освобождает рабов. Даже коню батыря Бурылу легенда приписывает чудесные свойства: он легкокрыл, умен, предан хозяину.

¹ Т. Шонанов. Устное творчество казахов. „Литературный Критик“, 1936, № 5. (Подчеркнуто мною. И. Э.)

² Автор настоящей работы пользовался русскими переводами произведений казахского фольклора, которые, однако, не всегда точно передают поэтические особенности оригиналов. Читатель должен учитывать это при оценке тех положений, которые выдвигаются в настоящей статье.

Другому батырю — Ер-Саину пророк еще до рождения предсказывает, что он будет защитником казахского народа. Когда Саину было девять лет, он обладал уже богатырской силой. Вот как рисует этого батыря его возлюбленная Аю-Бикеш, когда она узнает, что он вдалеке остался один сражаться против врагов:

„Без тебя как я стану жить?
Весь оружием украшен был,
Ты врагам своим страшен был,
Крепче каменных башен был.
Ты защитником нашим был,
Ты прославлен алашем был, —
Как я жить буду без тебя?..
Был могучим батырем ты,

Был грозой всем кяфирам¹ ты,
Был утехой сирым ты,
Был мудрейшим таксыром² ты,
Без тебя как я стану жить?..
Был горячим супругом ты, —
Мне отцом был и другом ты, —
Если даже весь мир пройду,
Где такого, как ты, найду?“

В той же былине почти комическим персонажем выведен бай Боз-Монай (отец Ер-Саина); он показан как свирепый хозяин и трус, над которым открыто потешаются его же табунщики, грозясь отомстить ему за все притеснения:

„Байского барана не тронь,
Хозяйской кобылицы не тронь,
Слову байскому не перечь,
Нам его лошадей стэречь —
Девятью потоми истечь“.

Однажды пастухи окружили бая, и „посыпались их удары, как град на испуганного Боз-Моная“. Итак, восхваляя Ер-Саина, былина в то же время отражает народную ненависть к угнетателям-баям. Точно так же в другой былине Камбар, батырь из голытьбы, отвергает предложение байской дочери Назим посетить пир в доме ее отца. Он говорит ей:

„Да гостей у вас полон дом
И добра у вас много есть,
Только мне что радости в том?
Что ни гость, то бай или бек.
...От богатых стоять вдали
Мне сулила судьба моя.
...Я на всех вас лелею месть,
Никогда ее не угащу.
Пусть горит, как степной пожар,
Отомщу я вам — богачам“...

По другому преданию, богач Карунбай, обладавший огромными пастбищами и стадами, был за свою скаредность и жестокость проглочен землей, а стада его обратились в диких зверей и разбежались.

Все это показывает, что народ знал своих защитников и своих врагов. Слагая былины, он возвеличил образы батырей, своих воинов и героев; он проклял мулл, угнетателей и феодалов, душивших и обманывавших казахский народ.

Блестящими произведениями бытового лирического эпоса казахов являются „Песнь о Козы-Корпеч и Баян-слу“ и поэма „Кыз-Жибек“. Каждая из них по праву может считаться поэтическим памятником родового быта казахов. Образы чудесной „шелковой девушки“, верного Тулегена, самоотверженного Сансызбая, красавицы Баян и мужественного Корпеч представляют собой воплощение благородства, красоты, мужества, одухотворенной лирической страсти; всеми этими чертами народ щедро наделил своих героев.

В неиссякаемом богатстве народной поэтической фантазии богатырский и лирический эпос казахов воссоздает типы народных героев, которые прославляются за мужество и верность, за храбрость и красоту, за беззаветное служение народу.

¹ Неверным.

² Начальником.

Этот образ национального героя, который оборачивался мифическим богатырем в раннем эпосе казахов, обретает живые реальные черты, когда в XVIII—XIX вв., сопротивляясь царским колонизаторам, народ выдвинул своих исторических героев. Исатай, Бекет, Кенисары, Узах, Амангельды и многие другие герои, возглавившие народ в борьбе с царскими сатрапами, стали батырями народных исторических легенд.

В этой полосе казахского эпоса еще более глубоко и разносторонне сочетались героические и сатирические мотивы народного творчества, уже отмеченные нами в былинах: прославление народных героев здесь тесно связано с гневным обличением врагов — колонизаторов, чиновников, миссионеров и баев. В казахском фольклоре появляются жанры гражданского лирического стихотворения, призывной песни, эпиграммы, агитки.

Вот, например, стихотворение „Крестьянский начальник в ауле“, рисующее образ гнусного царского чиновника:

От новой заботы казахи вздохнули:
Крестьянский начальник ночует в ауле...
Сойдутся к нему волостные и баи
Узнать, что от них нужно царской России.
Через толмача речь начальства послушать,
Взглянуть на него, биш бармака покусать...
Будет плов, будет пиво, вино и кумыс,
А потом к нему в юрту приведут Курамыс...
Если плачет девчонка, урядник поможет:
Успокоит, разденет ее и уложит...
Пусть у дальней юрты курамысова мать
Горько плачет — начальству ее не слышать.

Яркие образцы гражданской национально-освободительной лирики находим мы в стихах Макамбета и в песнях поэтов-повстанцев 1916 г. „Песнь в изгнании“, „Обращение к друзьям“, „Призыв к походу“, „Песня после сражения“, „Обращение к толпе злопыхателей“, „Думы в одиночестве“, „Песнь, спетая султану Баймакамбету“ — вот названия некоторых произведений поэта Макамбета, участника восстания против хана Жангыра. Идея служения народу пронизывает всю его горестную и страстную поэзию:

Охранял я родной народ
И с народом меня разлучили.
Сколько черных гнетущих дней
Знал в тоске Макамбет своей!..

Тоска изгнания, боль поражения, плач по убитому вождю Исатаю — все это постепенно переходит в слова проклятия по адресу угнетателей, веры в непобедимость народа. Таково стихотворение „Проклятие рабству“:

Неужель не придет пора	... Тяжек рабства позорный плен,
Макамбету ханский шатер	Оскорбляют отца и мать,
Пикой острой своей пронзить,	По лбу бьют коня подо мной —
Распороть, и настежь раскрыть?	Шлю проклятье жизни такой!..

Или — „Обращение к друзьям“:

Кто разумен — дерзай, дерзай!..
... Еще конь мой худ,
Обеднел наш люд,
Но неведом завтрашний день:
Прочь, друзья, уныния тень!

Восстание против „белого царя“ в 1916 г. выдвинуло таких поэтов из народа, как Сатекен, Етекпай, Жолдырбаев и др. Этими непосредственными участниками восстания сложены призывные стихотворения, песни-плачи, поэтические хроники, воззвания и памфлеты, получившие широкое бытование в народе. Народный поэт Етекпай, рисуя образ батыря Узаха, вождя восста-

ния в Каркаралах, бросает лицемерным и подлым царским сатрапам полные гнева слова:

„Скажите, что грянуть
Готова гроза,
Что в горе народ
Как в нарыве рука,
Что в гнев народ
Не боится штыка!“

Народный поэт Бзаубак в июне 1916 г., в связи с объявленным указом Николая II о мобилизации казахов, написал следующее „Обращение к казахскому народу“:

„Казахи! Любимых забрав сыновей,
Не даст Николай взм людские права,
Хорошего мы не получим, кедей!¹
Лишь дети погибнут, как в стужу трава.
Бесценный народ мой! Пришла к нам напасть,
И наши потеют горячие лбы,
Но не уничтожит нас царская власть,
Коль встанем мы все под знамена борьбы!
... *Бесправие, гнет и шакала-царя
Мы сбросим с себя и развеем их прах.
Рассеется мрак — и над нами заря
Зажжется, и будет счастливым казах.
... Призывное слово сказал я в стихах,
Народ мой! Врага поразить должен меч.
Пусть радость большую узнает казах,
Пусть тяжесть несчастий падет с наших плеч!“

В исторических песнях, как и в былинах, герои наделены чертами эпических богатырей, которые по силе и доблести своей сравнимы лишь с чудесными горными птицами и легендарными зверями:

„Орел мой, летящий над цепью гор.
Дотянутся ль руки к тебе мой?
Домчится ли жалоб моих призыв?
С тех пор, о, мой лев, как угас твой взор,
Желаний моих бесплоден порыв.
Мой сокол крылатый, как ты был тверд.
В борьбе беспощадной бесстрашен, горд.
Кулан² мой, твой голос вольный гремел,
Кошкар³ мой, ты был упорен и смел.
Как красный китайский шелк, ты сверкал,
Толпу, как в Хиве базар, привлекал.
Глубок, словно море, ты был умом,
Спокоен и тверд на пути своем“... („Об Исатае“).

Автор этой песни поэт Макамбет в своем знаменитом „Плаче“ сравнивает Исатая то с лебедем, на которого налетел хищный коршун, то с крапивцем-тополем, рухнувшим под ударом врага.

Такую же легендарную силу приписывает народная поэзия Кенисары Касымову, который в ответ на подлые угрозы царя

Говорил всего лишь два слова:
Первое гремело железом,
А второе огнем поыхало.
А шумели огонь и железо
От самого Кокчетава

Через великую пустыню
До желтой горы Мунгол.
И напрасно генералы хотели
Отрубить ему голову большую —
Строен и крепок был Касымов...

Другая песня завершается легендой, повествующей, что, когда было разгромлено все войско Кенисары, он один затворился в крепости нагорной и —

¹ Бедняк.

² Дикая лошадь.

³ Порода особенно сильных диких кабанов.

Сколько пушки в крепость ни стреляли,
Ядра падали с горы обратно
И самих стрелявших убивали...

Эта причудливая народная фантазия в казахских исторических легендах сочетается с прямою политической обличительностью, раскрывающей глубокие народные корни национально-освободительной борьбы. Песнь о Кенисары дает четкую расстановку сил, против которых выступили повстанцы-казахи; она подчеркивает, что не только царские завоеватели душили казахский народ, но и —

Баи предали казахскую свободу,
Баи с генералами братались,
Царские подарки принимали.

Рисуя же своего героя, песня особо отмечает его неподкупность и жгучую ненависть к врагам:

Он не брал подарков драгоценных,
Он плевал на царские кагасы,
Он гонял чиновников, как зайцев,
А двоих засек нагайкою до смерти.
Он, как беркут, по степям носился
С дружной стаей молодых джигитов...

Точно так же в поэме о Бекет-батыре, герое восстания против хана Аристана в 1855 г., народ подчеркивает его непримиримость к врагам, горячую преданность народным интересам:

Я отваги меры не знал,
Ненавидел я ханский род,
Я водил за собой народ,
И повсюду — и стар и мал —
Стяг вождя мне смело верял.

То, что хан не хотел отдать,
Мог я силой у хана взять;
Мое имя у всех в устах
Было там, в широких степях
.....

Песни эти полны, наконец, подлинно-эпической широты в описании народного гнева, в картинах восстаний, в изображении событий народной освободительной борьбы. Так Шуйниниев Эльтай рисует поход на Мерку, гибель Сатакена и царскую расправу в поэме „Восстание в Мерке“. Так акын Сартай рисует народное движение против царского произвола в поэме „Тер-заман“. Так народный поэт Етекпай поет о восстании в Каркаралах, сравнивая могущество поднявшегося народа с силой горного урагана, с мощью балхашских волн, с воем степных ветров:

В горах ураганы
Так не ревели,
Балхашские волны
Так не гремели,
Ветры степные
Так не завывали,
Облака такого
Гула не слышали,

Круглое солнце
С небесной дороги
Никогда не видело
Народу так много,
Никогда так дружно,
Гневно и сурово
Народ не держал
Перед начальством слово.

Из всех этих примеров ясно, что революционно-героический казахский фольклор близко примыкает к былевому эпосу по мощи изображения народных героев и народных событий, по эпической широте материала, богатству народной фантазии; отражая вместе с тем непрерывное нарастание борьбы народа против его угнетателей, поэзия эта обретает все больше конкретности, гибкости, политической остроты.

Эти черты народно-героического творчества с наибольшей силой возродились в эпических творениях казахских акынов, рисующих героев и события Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, строительства нового общества. Первыми всенародными героями, батырями

всех батырей, имена которых назвала и прославила в эти годы народная поэзия, были Ленин и Сталин. Все лучшее, что есть в природе, все сильное, что есть в жизни, все самое красивое, что есть в поэзии — придано образам этих великих освободителей народа. С именами Ленина и Сталина связан у певцов и поэтов казахского народа переход от пятисотлетнего рабства к счастливой, радостной, богатой жизни в содружестве с другими народами советской страны:

„Для дружбы и счастья народов Сталин родился на свет.
Под солнцем его мы забыли отчаянье прошлых лет.
Его арык многоводен.
Нужда не придет назад.
Для Сталина каждый дехканин — родной и желанный брат,
Идет с ним по верной дороге
Великое братство труда.
Скажи, мой народ, ты знал ли такого героя когда?“

— спрашивает акын Турмагамбет.

Такого батыря не знал еще казахский эпос, не знала его и поэзия других народов; образ этого чудесного творца человеческого счастья открыл перед поэтами новые широчайшие горизонты. В песнях акынов воскрешаются картины проклятого прошлого, из которого вырвала миллионы тружеников великая партия Ленина—Сталина. В песнях акынов встают огромные эпические картины возрождения казахского народа, расцвета казахстанской земли, роста колхозных табунов, строительства индустриальных гигантов, прокладки в пустыне железных дорог, покорения гор и озер, картины счастья и радости трудящихся масс. Этот материал расширяет все известные до сих пор рамки эпического искусства. На наших глазах складывается новый, социалистический эпос, который, вбирая в себя все богатство устно-поэтической культуры народов, всю мощь созданных ими в прошлом эпических образов, открывает целые панорамы трудового героизма масс, строящих бесклассовое общество.

Песни и гимны Джамбула воплощают в себе черты этой новой, складывающейся формы словесного искусства.

* * *

Выше мы говорили, о фольклорных богатствах казахского народа. Джамбул воссоздает эти изумительные поэтические богатства на основе новых, социалистических чувств и идей, переживаемых им вместе со своим счастливым народом. Монументальность образов, героический пафос, смелость выдумки и эпическая широта — все эти черты казахского эпоса вырастают в его песнях на основе богатейшего материала современности.

Джамбул еще до революции стал любимым певцом народа, потому что всю жизнь пел для народа и жил одними с ним горестями и невзгодами. Учитель Джамбула, акын Сююмбай говорил ему: „Каждое твое слово должно разить, как кинжал. Никогда не лицемерь. Черпай слова из своего сердца, как воду из колодца“. И Джамбул вспоминает:

„Будучи бедняком, я хорошо понимал бедный народ. Правдиво я мог петь только о себе и о народе... Поняв всем сердцем, что акыну нельзя фальшивить и лицемерить, стал петь своим голосом и только правду.

И песни мои полетели по всему Джетысу, как вольные птицы. Верхом на плохой лошади я ездил из аула в аул. Пел песни грусти и печали, и за это меня кормили. Я объехал Джетысу, бывал в Киргизстане, ездил в Караганду, бродил по Восточному Казахстану.

О чем я пел? Я пел о моем бедном измученном народе, о поруганной родине, о славных батырях казахских племен. Случалось, я пел целыми ночами и получал за это гроши“.

„... Многие родоначальники упрасивали меня остаться у них, обещали хорошо кормить, уважать и давать богатые подарки, чтобы я прославлял их и участвовал в состязаниях с акынами других родов. Но я не хотел лицемерить и отрываться от народа, не хотел итти к баям. Решительно отказывался и уезжал дальше“.

Так бедняк из аула Ер-Назар, родившийся у подножия горы Джамбул, спевший 75 лет назад свою первую песню на свадьбе в ауле, стал любимым акыном народа. Он нес народу суровое слово правды, он говорил ему о поруганной родине и о славном богатырском прошлом казахов племени.

Он будил в народе веру, он вдохновлял своей песней героев, которые пошли впереди обездоленных и угнетенных. Этой своей клятве — всегда петь правду и служить народу — Джамбул остался верен навсегда.

Некогда по степям Джетысу ходила слава о первом певце Кулмагамбете, победителе всех акынов. Джамбул сразился с этим акыном в песенном поединке. Кулмагамбет превозносил в своих стихах родоначальников, баев и волостных управителей; пел он громко и самодовольно, окруженный родовитыми богачами-казахами. Потом запел Джамбул. Он вспомнил завет учителя и не стал лицемерить. Он пел о том же, что и его противник, — о родоначальниках, баях и волостных управителях:

„Я повторял знатные имена, только-что произнесенные Кулмагамбетом, и давал им оценку, какую заслужили они у народа. В моей песне все эти гордые и чванные люди были названы конокрадами, убийцами, ворами, лжецами, несправедливыми людьми. Мои слова были язвительны и насмешливы. Они вызвали среди окружающих веселый смех. Я пел не устывая, и слушатели все больше и больше выражали свое одобрение. Так я победил дотоле непобедимого Кулмагамбета и стал первым акыном в Джетысу“.

После этого Джамбул не знал поражений. Песен его боялись все муллы и богачи, песни его — горестные и жестокие — нес в своих устах народ. О таких песнях А. М. Горький писал:

„Фольклору совершенно чужд пессимизм, не взирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно — рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь бесправна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственно сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами“.

Словами песен Джамбула заговорил народ, который непобедим: вот почему в этих песнях столько неугасающей страсти и пафоса, вот откуда их неотразимое обаяние. Джамбул весь слит со своей родиной — с ее чудесной природой, с ее героическим прошлым, с населяющим ее могучим народом. Монументальность творчества Джамбула и вытекает из целостности восприятия им всей грандиозности окружающего его мира, глубины совершающихся в стране событий.

Песни Джамбула полны изумительных по красоте картин природы:

Цветущая степь! Ты волшебней мечты!
Огнем самоцветов сверкают цветы.
Пурпурные маки пылают как пламя,
Степные тюльпаны блестят лепестками.
Как крупные яхонты розы горят
И белые лилии льют аромат.
Но степи весенней чудесней и краше
Цветешь ты, любимая родина наша.
Одиннадцать стран в окруженьи врагов
Цветут как одиннадцать пышных садов.

Эта вдохновенная простота и богатство образов навеяны в песнях Джамбула живым ощущением красоты своей родины. Строки его песен полны

животворящих красок природы, которые в совокупности создают образ обильной и могучей советской земли:

Любовью и радостью озарена
Обильная наша страна.
Как слава джигита, красива она —
Бескрайняя наша страна.
Как беркут, она, белоплечий, вольна —
Свободная наша страна.
Как волны Арала в прибое, сильна —
Могучая наша страна.
Бурлива, как гордая кровь скакуна, —
Чудесная наша страна.

Монументальность творчества Джамбула выражена в огромном эпическом развороте его песен, в охвате им больших географических пространств, исторических периодов, знаменательных народных событий. Нет темы, которая не преломлялась бы Джамбулом в историческом прошлом народа, в огромных картинах социалистического творчества, протекающего на его глазах. Поэт Джамбул о своем приезде в Алма-Ата или о московском метро, обращается к съезду Советов или к жителям своего аула, воспекает поезда Турксиба или своего темнорыжего скакуна — всюду он вспоминает с горечью и проклятием „сум-заман“ (прошлое), славит нашу цветущую жизнь.

Так определяется композиция этих песен, в которых Джамбул выступает не только как певец и рапсод, но и как народный летописец. Особенно характерна поэма „Моя родина“, в которой поэт вспоминает угнетателей казахских племен — хана Куспега, хана Аблая, хана Джангера, волостного управителя чиновника и бая, яркими реалистическими мазками рисуя господство каждого из них:

Царских приказов хитрый вершитель,
В степь пришел волостной управитель,
Коварный и злой, как сам сатана;
С ним появились мирза, старшина.
В байскую юрту сам бай приезжал,
На мягких подушках бай почивал.

На байской груди блестела медаль...
Кипели котлы. Бурлила вода...
В юрте, белее, чем вымытый мел,
Бай на коврах сыр-дарьинских сидел,
Керсень дорогой, с узорами лис,
Пенился в нем золотистый кумыс.

Прошлое обобщается поэтом в эпических образах пропасти и туч:

„Пропасть путь преграждала мой,
Тучи сходились над головой“...

Героем же поэмы является Сталин. Он — великий вождь, провел народы через пропасти и тучи, открыл пред ними правду и свет, отдал им все сокровища земли. Такова логика мыслей и образов этой блестящей поэмы. Столь же целостна и богата структура других песен Джамбула („Кляча и конь“, „Песнь народу“, „Песня съезду“, „Великий сталинский закон“). При этом в них сохранены вся живость и конкретность фактов, вся свежесть непосредственных переживаний. Джамбул ехал из Казахстана в Москву. Чтобы нагляднее и ярче показать, как велико чудо, которое примчало его за несколько дней в далекую столицу, он начинает свою песню таким сравнением:

„Если бы мне снарядить караван
И на верблюжьем горбу
Ехать в Москву сквозь росу и туман,
Я проклинал бы судьбу.
Сдохли бы все мои верблюды,
Дождь бы размыл следы,

Я бы покинул аул молодым,
Прибыл в Москву — седым...
Но не седлал я себе верблюда
И не седлал коня,
Мчали сквозь степи твои поезда
Легче журги меня“.

И далее песня перерастает в мощную картину расцвета родной страны.

А в Казахстане — гриваст, красив,
Словно миллионом копыт,
Огненный и вороной Турксиб
Звонко в степях гудит.

А в Казахстане цветет душа,
Радуюсь быстрой езде
От голубого, как день, Балхаша
К черной Караганде.

(„Песня о друге Сталина“.)

Наконец, песня звучит как гимн верному сталинцу Лазарю Кагановичу, который „армию смелых ведет за собой“, прокладывая дороги, строя подземные дворцы и мча по степи поезда. Так ширится тема песни, обрастая новыми мотивами, переходя в страстное патетическое обобщение великих завоеваний и побед народа. Так меняются и нарастают интонации в песнях Джамбула — от грусти тяжких воспоминаний до грозного обличения врагов, до призыва, до песни победы.

Особая же прелесть песен Джамбула заключена в их глубоком лирическом пафосе, в их задушевности и простоте. Джамбул — лирик огромной силы. Все песни его дышат теплотой глубоко пережитых чувств. Характерны заголовки его песен: „Песня от всей души“, „Песня перед приездом в Алма-Ата“, „Слушая Сталина речь...“, „Песня народу“, „Песня съезду“ и т. п. Джамбул мчался в поезде, видел метро, посетил мавзолей Ленина, был у Сталина в Кремле, вернулся из столицы в свой аул. Он поет о том, что видел, испытал и пережил. И это придает его песням ощущение неотразимой душевности, непритязательности, теплоты. Желая сильнее подчеркнуть объективность своих чувств, правдивость и наглядность того, о чем он поет, Джамбул часто выводит самого себя героем песни:

По светлой стране из аула в аул
Поехал нарядный, счастливый Джамбул,
Доживший до сталинской алой весны,
Когда сбываются сны.

(„Кляча и конь“)

Или:

Столицу мира Джамбул обошел,
В столице Джамбул чудеса нашел,
В Москве — свободы и счастья оплот —
Великий Сталин живет.

(„Столица мира“)

Той же цели подчинены многократно варьируемые поэтом рефрены и зачины:

Кочуй по джайляу, лети по аулам,
Степная гортанная песнь Джамбула

и т. п.

„Когда я пел о народе, — говорит Джамбул, — я пел и о себе. Когда же я пел о себе, я одновременно пел о народе“. Поэтому, когда певец говорит о чудном коне, что подарил ему вождь, он не может не запеть и о том, что принесла всему народу советская власть:

„Колхозные бродят в степях табуны,
Привольно растут в табунах скакуны,
И даже из кляч в моей светлой стране
Выращивают коней“.

И далее:

„Пою я о том, кто с Кремлевских высот
Великую правду народам несет,
Кто сердцем своим обогрел и меня,
Кто юность мне дал и коня“.

(„Кляча и конь“)

Органическая слитность чувств поэта с переживаниями народа, целостность и широта восприятия им эпохи, богатство поэтических тем, разнообразие интонаций, все это — черты его монументального песенного стиля.

Эпос, однако, складывается прежде всего на основе больших монументальных характеров, через которые наиболее широко раскрывается героическая жизнь народов. Поэзия казахского народа запечатлела имена неустрашимых батырей и джигитов, в которых народ видел воплощение своей силы, — это Кобланды, Орск-Мамай, Карасай-Казы, Ер-Таргын, Ер-Саин, затем

Касымов, Исатай Тайманов, Бекет, Амангельды и др. Каждый народ имел таких героев, проявлявших высокие доблести в борьбе за независимость своего племени, своей земли.

Вожди социалистической революции подняли знамя освобождения всех народов, полного уничтожения всех видов эксплуатации и неравенства, построения коммунизма во всем мире. Герои советского эпоса становятся выше всех мифических богатырей, всех исторических героев народной поэзии. Все народы земли поют о великих вождях Ленине и Сталине, несущих счастье миллионам. О них поют грузины и негры, узбеки и персы, тунгусы и мексиканцы; о них поют акыны, ашуги, бахши, гафизы, жирши, уленчи, кантелисты, бандуристы, сказители и певцы.

Именно благодаря этим мощным героическим образам народных вождей, благодаря величию дел, которые под их руководством совершают массы, — в нашем былевом эпосе открываются богатейшие сокровища тем, материала, красок, образов, слов. Воплощаются в жизнь передовые мечты и чаяния людей: меняются существо и характер народной фантазии; эпос отражает не мифы и легенды, не представление народов о лучшей жизни на земле, а самую эту небывалую жизнь, счастье миллионов, величие народных вождей.

Все поэмы и песни Джамбула пронизывают образы этих гигантских людей нашей эпохи. С именами Ленина и Сталина связано у него ощущение всего величия человеческой жизни. К ним обращает он слова горячей благодарности за молодость, обретенную им на склоне лет, за счастье, дарованное народу.

„Я — столетний Джамбул-жирши —
Восклицаю от всей души:
Для казахов в любой колхоз
Это счастье Сталин принес!
Это имя, как солнца свет,
Сталин — словно горный рассвет,
Сталин — словно степной орел,
Счастье солнечное привел“.

(„Песня от всей души“)

Образ Сталина так велик, что все, самые смелые и яркие сравнения, почерпнутые из сокровищницы народной поэзии, кажутся певцу неполноценными. Джамбул говорит, что у акынов „степных мастеров“ не найдется таких жемчужин-слов, которые выразили бы величие этого человека. Он не может сравнить его с пророком, ибо „правду пророк не умел говорить“; он не может сравнить его с океаном, ибо „в океане порой корабли с распоротым дном сидят на мели“; он не может сравнить его и с полярной звездой, ибо „она, как приколотая гвоздем, вечно стоит на месте своем“; он не может, наконец, сравнить его ни с горами, ни с солнцем, ни с луной — Сталин выше всего, ярче всего, роднее всего. Эта широко известная часть поэмы „Моя родина“ поражает стойким эпическим размахом и глубокой народностью мыслей. Важно отметить, что в творчестве других народов мы находим те же мотивы:

„Гора над долиной Стоит высоко; А небо стоит Над горой высоко.	Созвездий и месяца Солнце светлей, Но, Сталин, твой разум И солнца светлей,
---	--

Но, Сталин, ты выше Высоких небес, И выше тебя Только мысли твои.	Лучится солнце, Сияет лишь днем, А разум твой светлый — И ночью и днем.
--	--

Песня эта записана из уст горянок, певших ее в отдаленном дагестанском ауле Кая. Ни о каком заимствовании здесь не может быть и речи.

Сравнение текстов (а примеры могут быть легко умножены) показывает лишь, что певцы и поэты черпают эти слова из одного источника: из чувства безграничной любви народов к великому вождю.

При всей широте образов песни Джамбула воссоздают облик вождя в очень конкретных и ясных определениях. Сталин неразрывен с Лениным. Сталин воплощает в себе единство целей и мыслей, не виданных по своей смелости и широте. Об этом говорит Джамбул в „Песне народу“, где он обращается к Ленину с такими словами:

„Мы в Сталине видим твои черты:
Цели — немерянной высоты,
Мысли — невиданной широты,
Речи — неслыханной простоты,
В Сталине ожил ты“.

Таковы же мотивы и другой песни, в которой воспета сталинская речь:

В ней пламя бушует, в ней мощь налита.
В ней сила, уверенность и красота,
В ней веет отцовская теплота,
Она кристально проста.

Это сочетание эпических и лирических элементов в обрисовке героев создает образы большой реалистической силы. Воспевая лучших людей нашего времени, Джамбул всюду подчеркивает их человечность, душевность, биение больших и горячих сердец. Он говорит о Ленине: „грел он людей сердцем большим“ и тут же добавляет:

„Сталин, солнце мое, я понял в Москве:
Сердце мудрого Ленина бьется в тебе.
В день сияющий, как бирюза,
Был в Кремле я в кругу друзей.
Увидали мои глаза
Величайшего из людей.
Ты, чье имя достигло звезд
Славой первого мудреца,
Был внимателен, ласков прост
И родней родного отца.
За радушный, отцовский прием в Кремле,
Сталин, солнце мое, спасибо тебе“.

(„Песня о Москве“)

Вслед за образами Ленина и Сталина Джамбул дает целую галерею богатырей нашей эпохи. Мы уже приводили „Песню о друге Сталина“, в которой прославлен руководитель „армии смелых“, вдохновляющий людей „на большевистский доблестный труд“, верный сталинец Л. М. Каганович. О высокой революционной доблести, неразрывности с народом и его вождем говорит Джамбул и в поэме „Клим-батырь“. Джамбул вспоминает полководцев-батырей прошлого — Александра Македонского, Рустема, Манаса, Кене-хана:

„Шли кровавой дорогой войны
Белоснежные их скакуны.
Полководцы вели полки,
И знамена вились, высоки.
Но их слава не долго цвела,
Кратковременною была.
Каждый, сколько ни был знаменит,
В новых битвах бывал разбит.“

И в залитых кровью степях
Оставался от славы — прах...
Ты один, звездоносец Клим
С полководцами несравним!
Ты проходишь дорогой побед,
У тебя поражений нет,
Ты народом крепко любим
И поэтому непобедим“.

Так возрождается у нас богатырский эпос, героям которого сам акын, старейший из акынов, не находит равных в прошлом. Пользуясь для обрисовки их всем словесным богатством казахского фольклора, Джамбул понял, что наш эпос по своим масштабам, по силе образов, по широте материала должен превзойти легенду о Кобланды-батыре или поэму о Манасе. И он находит пути к этому новому эпосу.

Джамбул является, однако, не только эпиком и летописцем, но также боевым и страстным политическим поэтом. Из самой природы народного певца-поэта вытекает эта естественная необходимость жить всегда событиями и делами, творимыми народом.

„Веками было заведено, — говорит Джамбул, — что акын — импровизатор должен был знать обо всем: все роды и племена, всех родоначальников и знатных людей, все места и события. Он должен был откликаться на все новости и уметь учитывать обстановку. Остроумие, находчивость, умение давать быстрые и находчивые ответы — вот что ценится в акынах“.

То, что было заведено веками, приобретает особое значение и силу сейчас. Акын не только поет народу, но и агитирует в народе, откликаясь на все события политической жизни. Акын поет не только народу, но и вместе со всем народом, выражая в своих песенных импровизациях мысли и чувства трудящихся масс. Джамбул дает в области политической поэзии исключительные образцы художественной отзывчивости, гибкости, творческого вдохновения. Нет такого события в современной общественной жизни, которое, всколыхнув весь народ, не нашло бы сразу живого и страстного отклика в песнях Джамбула. Джамбул был в Казахстане пламенным агитатором за колхозы. „О колхозах я пропел сотни песен, — вспоминает он, — и они полетели по степям, потому что шли они от самого сердца“. Джамбул поет о Сталинской конституции, о разгроме врагов народа, о событиях в Испании и Китае, о великих Пушкине и Горьком, о прибалхашском строительстве и карагандинском угле. Он весь полон ощущения тех трагических событий, которые происходят на западе и востоке от советской земли:

„Снега Алатау одеты в закат,
В последних лучах, как рубины, горят.
Звезда серебрится, и в яблонный сад
По радио вести летят.
Я слышу их, хмурия суровую бровь,
И старое сердце волнуется вновь:
В Испании — кровь, в Манчжурии — кровь,
И в Абиссинии — кровь“ ...

(„Слушая Сталина речь“)

В „Песне о братстве“, говоря о борьбе народов Испании и Китая Джамбул заявляет:

„И там мое сердце и песня моя,
С братьями вместе в суровых боях!“

Вместе со всем народом Джамбул обрушивается на подлых предателей и изменников, троцкистских бандитов и убийц, обращая против них испепеляющую „Песню гнева“:

„Никогда змее в облаках не бывать!
Никогда верблюду орлом не летать!
По морской воде паровоз не пройдет!
По сухой земле не пройдет пароход!
Шакалу звезды не укусить,
Солнца собаке не погасить!
Сталин — солнце наше, и с ним
Мы побеждаем и победим!
Мысли кипенье навеки с ним,
Сердца биенье навеки с ним,
Душа народа навеки с ним.
Песни народа навеки с ним.“

И вместе со всем народом он приветствует ленинско-сталинскую „Правду“ в день ее двадцатипятилетия:

„Ты радость для всех обездоленных мира,
Та наша отточенная секира,
Разящая черную свору врагов
Могучею силой народа-батыря!“

(„Победы и радости голос орлиный“)

Песни же Джамбула о Сталинской Конституции („Великий Сталинский закон“, „Слушая Сталина речь“, „Песня съезду“ и др.) славятся на весь Советский Союз. Джамбул — поэт-импровизатор. Он не пишет стихи, а поет их. Он складывает их в самом народе, часто непосредственно на праздниках и собраниях. Первыми, кто узнает песни 90-летнего акына, являются жители его аула; потом песня идет по Кастекской долине, идет по республике, идет по всей стране — уже записанная и переведенная на языки народов. Джамбул живет песней и говорит песней. Когда он рассказывал о своей жизни, он сказал: „я стал сутол, как старый беркут“; „я был в Москве, которая чудесней сказочного Гюлистана“; „мои песни полетели, как вольные птицы“. Он непрестанно мыслит образами народной поэзии. И когда до него доносятся важные вести, когда он волнуется и видит волнение народа, он ударяет по струнам домбры и поет.

Вот как описывает газета „Казахстанская Правда“ (в номере от 14 июля 1936 г.) день прибытия в аул Ер-Назар проекта Сталинской Конституции:

„В колхозы Кастека пришли газеты с проектом Сталинской Конституции. Из колхоза Ер-Назар, как горный ручей, вырвалась новая звонкая песня орденоносного певца Джамбула. Окруженный колхозниками, он сидел на зеленом холме, с вершины которого видна Кастекская долина.

Старый Джамбул играл на домбре и пел. Из Ер-Назара во все уголки Кастекской долины ехали джигиты. Они передавали радостную весть о том, что Казахстан становится союзной республикой, они звали народ в Ер-Назар послушать приехавшего инструктора райкома, послушать и новую песню любимого певца Джамбула.

Верхом на конях, и пешком, и на грузных арбах ехали и шли из колхозов старики и молодые. Из колхоза Новая жизнь шел с домброй старый акын Садык Карбозев, из колхоза Брлык ехал певец Утеп. Свыше двухсот человек собралось в этот день в Ер-Назаре.

Чтение текста проекта Конституции прерывалось громкими аплодисментами и восторженными возгласами:

— Да здравствует наш мудрый отец, наш Сталин!

— Спасибо товарищу Сталину за любовь и заботу о своем народе!

Когда был прочитан пункт проекта Конституции, в котором говорится о преобразовании Казахстана в союзную республику, 50-летний Джартыбай Кирикпаев — ученик Джамбула — прервал докладчика и запел составленную им песню“ ...

Близкое сердцу всех народов творчество Джамбула сохраняет все своеобразие казахского фольклора. У Джамбула мы встречаем не только традиционные в поэзии его народа образы крылатых коней и чудесных птиц, но и воскрешенные сюжеты старинных легенд, своеобразно обновленные мифы. Все необычайно и сказочно в нашей стране:

В Москве сады, как сплошной изумруд,
В Москве дворцы, как в сказке, растут.
Внизу, под землей, поезда бегут,
Вверху — самолетов гул.

(„Столица мира“)

Поезд чудится нашему певцу горячим степным иноходцем, а станция метро — волшебным дворцом с фантастической лестницей-водопадом. Пользуясь этим богатством народной фантазии, Джамбул создает захватывающие реалистические образы людей и событий нашей эпохи. При этом необычайно языковое и ритмическое богатство его песен, разнообразие напевных интонаций, плавность и свобода речи. Стоит особо остановиться на пейзажах Джамбула, на той силе классической простоты, какая заключена в этих скупых и ярких строках:

„Холодные слезы роняя в песок,
Пел горькую песню безродный седок,
И шел, задыхаясь, мой караван
В проклятый суровый заман.¹
В миражном тумане струился родник,
Судьбу проклиная шагал проводник.
Буря срывала последний чапан
В проклятый, суровый заман“.

(„Песня съезду“)

Некогда акыны кочевали вместе со своими племенами, встречаясь с акынами других племен, побивая их в состязаниях. Слава лучших из них ходила от племени к племени, песни лучших пел весь народ.

Песни Джамбула поют десятки народов.

Творчество свое и своих современников Джамбул осмысливает в ряду великих имен прошлого. Фирдоуси, Руставели, Пушкин, Шевченко — вот гениальные предки, у которых должны учиться блеску слов и богатству мысл и поэты нашей страны. Об этом пел Джамбул в „Песне о жизни“. Об этом говорил он, подъезжая к городу Тбилиси, где представители всех народов праздновали юбилей поэмы Руставели. Поэты советской земли, по словам Джамбула, поют „на разных наречиях, но об одном“. И когда умер великий дагестанский ашуг, Джамбул сказал: „Песням его смерть не страшна. Они бессмертны. Я слышу за своей спиной свежие, молодые звонкие голоса новых певцов, слагающих и поющих песни любви к родине и ненависти к ее врагам“.

Так идет по нашей стране братская переключка поэтов. Они поют „о родине нашей, о славных делах, о коннице вражьей, развеянной в прах...“ Из таких песен складывается небывалый в истории эпос, о котором мечтал и расцвет которого предвидел Горький. И не одну песню вложил в эту сокровищницу старейший поэт современности, акын Джамбул Джабаев.

Декабрь 1937 г.

¹ Заман — время, эпоха.